

Знакомых у него было мало, да и мир он видел небогатый. Однако поступки А Цзю заставили его не удержаться от усмешки.

Как такое вообще возможно?

...

Глава павильона Жуань всегда был себе на уме.

Он расставил всего две ловушки: одну — для Тан Шаотана, другую — чтобы навести порядок в собственном доме.

Попадётся ли Тан Шаотан, было ещё неизвестно, зато вторая «рыбка» уже рвалась с крючка, готовая его перекусить.

«Интересно, какого старейшину так обуяло нетерпение, что он поторопился действовать? — мысленно усмехнулся глава павильона. — Даже посторонние из Павильона Радужных Одежд знают, что нужно выждать момент. А эти, не глядя на обстановку и не считаясь с присутствующими, сразу бросаются в бой».

Уворачиваясь от летящих в него скрытых клинков, А Цзю вскинул голову и невольно увидел над собой луну — чистую, сияющую, словно отполированный нефрит.

А Цзю: «...»

Уже середина месяца?

Вы что, специально выбрали сегодня?

Холодная ночь окутала всё вокруг, но нападавшие внезапно прекратили атаки. Вокруг воцарилась тишина, даже редкие крики птиц и насекомых в лесу постепенно стихли.

Холодный ветер донёс странный аромат, который накатил, словно прилив.

А Цзю замер, застыв на месте. Под ногами у него была пустая поляна, покрытая опавшими листьями. Жёлтые листья кружились в ночном ветре, переворачивались и улетали, обнажая землю, скрытую под слоем сухих веток и прошлогодней листвы.

Чёрная земля была усеяна телами. Лица их были иссиня-чёрными, искажёнными, тела ещё не успели окоченеть — казалось, они испустили дух совсем недавно.

Они и были источником странного аромата.

От самого А Цзю тоже исходил лёгкий, едва уловимый запах. Теперь, смешиваясь с тем ароматом, он становился всё гуще и ощутимее.

Он знал этот запах — это был запах, исходящий от гу, разъедающего Инь, в предсмертный миг. Запах, который больше всего притягивал других таких гу.

А Цзю нахмурился, отступил на шаг, прижал руку к груди и с силой ударил себя, подавив поднимающееся изнутри беспокойство. Он облизнул губы, на которых выступила кровь, и его тонкие губы изогнулись в мрачную, неестественно яркую улыбку.

Подобно бабочке, порхающей на пёстрых крыльях, он попал в уже готовую сеть.

Бабочка со спутанными крыльями могла только ждать своей участи.

А глава павильона Жуань Линцзю воспылал жаждой убийства.

Луна висела в небе, как серебряный крюк, заливая землю холодным светом и отбрасывая призрачные тени.

...

Тан Шаотан поднял голову и увидел, что луна уже скрылась за облаками. Тучи сгустились, словно предвещая ливень.

Внезапно им овладело беспокойство. Повернувшись к Фу Ибо, он сказал: «Оставайся здесь, никуда не уходи. Я скоро вернусь».

Фу Ибо не согласился. Он уцепился за ногу Тан Шаотана и завопил: «Умоляю, пощади мою жизнь! Сначала дай мне противоядие!»

Тан Шаотан не знал, правда ли то, что сказал А Цзю про яд, и лишь ответил: «У меня нет лекарства».

Фу Ибо запаниковал: «Если ты не дашь мне противоядие, то не уходи! Твой спутник ведь сказал: если ты последуешь за ним, мне конец!»

Тан Шаотан: «...»

Пока Фу Ибо продолжал приставать, Тан Шаотан уловил в лесу необычное движение. Он ткнул пальцем в точку на теле Фу Ибо, лишив его голоса, и легко высвободил свою ногу.

Он усадил Фу Ибо под дерево, а сам прислушался. Множество шагов направлялось в одну и ту же часть леса. По звуку Тан Шаотан определил, что людей было не меньше двадцати-тридцати, и все они двигались быстро, но дыхание оставалось ровным — верный признак выучки и мастерства.

И направлялись они туда, где исчез А Цзю.

Тан Шаотан нахмурился, оставил Фу Ибо без внимания и растворился в ночи, его фигура слилась с порывами ветра.

...

Капля дождя упала с неба и повисла на длинных ресницах А Цзю. Он моргнул, сбросил её, за ней последовала вторая, третья...

Хлынул ливень.

А Цзю, прислонившись к морщинистому стволу дерева, безучастно наблюдал, как у его ног смешиваются грязь и кровь, образуя целую реку, которую дождь тут же смывал, не оставляя и следа.

Он слышал, как множество шагов приближаются к нему, неся с собой смертельную угрозу и яд гу, который в конечном счёте обернётся против них самих. Они шли на верную гибель.

Он тихо пробормотал: «Разве жить — это плохо?»

Он вспомнил, как три года назад, только возглавив Павильон Ушоу, из-за отсутствия поддержки четырёх Призрачных Дьяволов, многие в павильоне не приняли его. Старейшины строили козни, открыто и тайно противодействуя, выдумывая всё новые уловки.

Лишь старейшина Цяо выступал посредником. «Раз старого главы павильона больше нет, а прежние четыре Призрачных Дьявола погибли, — говорил он, — то нам не стоит цепляться за прошлое». Он предлагал: «Павильон Ушоу должен смотреть вперёд, у всех нас впереди ещё много дней».

С тех пор он всегда докладывал Жуань Лину о делах павильона, во всех мелочах. Порой он даже поправлял Жуань Линцзю, когда тот читал или писал, словно добрый наставник.

Жуань Линцзю однажды приказал Ши Вэню: «Что бы старейшина Цяо ни делал, не причиняй ему вреда. Сначала спроси меня». А год назад, в середине месяца, он мягко отказался от просьбы старейшины Цяо лично устрасить противника. Лениво вращая кисть на столе, он тогда сказал: «Долго воевать не могу, а сегодня — тем более. Состояние не то».

И это его неосторожное слово кто-то запомнил, тихо разгадав скрытый смысл. И теперь, год спустя, выбрав момент, когда Ши Вэнь не было рядом, они наконец показали свои клыки.

Он уже не мог вспомнить, какое выражение было на лице старейшины Цяо в тот миг. Была ли то радость, торжество? Или... ненависть?

Жуань Линцзю усмехнулся, и в усмешке прозвучала злоба. «Даже если мне нехорошо, — сказал он себе, — с вашей кучкой никчёмных подчиненных я справлюсь».

Он поднял голову, глядя на небо, где ветер сменялся дождём, и начал терпеливо ждать.

...

Дождь закончился, но А Цзю так и не дождался новых убийц из Павильона Ушоу.

Он дождался только запыхавшегося Тан Шаотана.

А Цзю поднял на него глаза: «???»

Тан Шаотан спросил: «Ты в порядке?»

Новые убийцы исчезли, и ему не только не угрожала опасность, но и делать было совершенно нечего.

Его взгляд упал на меч Тан Шаотана, и он сразу заметил два свежих повреждения на ножнах.

А Цзю: «...»

Он с кем-то сражался?

В этом огромном, пропитанном смертной тоской лесу, кроме тех, кто преследовал его, Жуань Линцзю, вряд ли могли быть другие.

А Цзю удивился: «Зачем ты пришёл? А тот, Фу?»

Я просил тебя присмотреть за ним, а ты пошёл отбивать моих преследователей?

Тан Шаотан: «Твой меч всё ещё у меня».

А Цзю: «И что?»

Тан Шаотан: «Им я по пути остановил несколько человек».

А Цзю: «...»

Несколько? Ты уверен, что это не несколько десятков мастеров из Павильона Ушоу?

Тан Шаотан добавил: «Кажется, больше никого нет. Хочешь ещё подождать?»

А Цзю увидел, что Тан Шаотан держит меч и не собирается его возвращать. Похоже, тот планировал не только ждать вместе с ним, но и самому разобраться с любыми новыми преследователями.

А Цзю не знал, смеяться ему или плакать: «Ты знаешь, кто я? Ты знаешь, почему они преследуют меня?»

Тан Шаотан повернул голову, посмотрел на А Цзю: «Ты сказал, что тебя зовут А Цзю. А те, кто преследует тебя, — я знаю, что они из Павильона Ушоу».

А Цзю спас ему жизнь.

А людей из Павильона Ушоу он всегда собирался сразить. Особых причин ему для этого не требовалось.

А Цзю: «...»

Он похлопал Тан Шаотана по плечу, не зная, что чувствовать, и подумал: «Надеюсь, ты не пожалеешь об этом в будущем».

Тан Шаотан: «?»

А Цзю махнул рукой, не желая продолжать эту тему, и спросил: «Куда ты бросил того, Фу?»

...

Они пошли обратно вместе, но не прошло и получаса, как оба остановились.

Облака рассеялись, дождь прекратился. Они увидели Фу Ибо, сидящего под деревом. Его голова бессильно опущена, тело безжизненно. Холодный ветер откидывал воротник его одежды, обнажая тёмно-красный след на шее.

Один удар перерезал горло. Человек был уже мёртв.

Тан Шаотан слегка нахмурился, и на его лице читалось неподдельное чувство вины.